

И. Д. Копецв

УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ
РАССУДКА И РАЗУМА
КАК ФАКТОРЫ
ТЕКСТУАЛЬНОСТИ
В ФИЛОСОФСКОМ
ДИСКУРСЕ И. КАНТА

На материале Кантова текста сделана попытка показать, что 2-частные и 3-частные логико-семантические построения — по Канту, суждения рассудка и разума — представляют собой логически организованные комплексы пропозиций, группирующихся вокруг структурного ядра обоих видов умозаключений, что они, по существу, представляют собой логико-коммуникативные формы «упаковки» текстового материала и являются тем самым формами текстуальности в дискурсе И. Канта. Кроме того, они выступают средством придания дискурсу Канта асерторическую или аподиктическую модальность.

Im vorliegenden Beitrag wird am Material des Kantischen Textes ein Versuch unternommen, zu zeigen, dass die 2- und 3-gliedrigen logischen Strukturen — nach Kant Verstand- und Vernunftschlüsse — logische komplexe propositionale Einheiten (Gebilde) sind, deren manchmal zahlreiche sekundäre Propositionen, d.h. die nach Kant keine Sätze sind, sich um den logisch-strukturellen Kern dieser Schlüsse gruppieren, so dass sie eigentlich als Formen der Textualität des Kantischen Diskurses überhaupt angesehen werden können. Außerdem tragen sie dazu bei, dem Kantischen Diskurs aserторisch- bzw. apodiktisch-logische Modalität zu verleihen.

Ключевые слова: умозаключение, рассудок, разум, пропозиция, antecedent, консеквент, контекст, форма, контекстуальность.

Как известно, классификация Кантом умозаключений основана на способе выведения консеквента из предшествующей посылки (посылок, эксплицитных или имплицитных). Если консеквент (следствие) следует из предшествующей посылки непосредственно, то такое умозаключение он называет умозаключением рассудка, а если оно следует опосредованно, то такое заключение он называет умозаключением разума, правда, с тем различием, что они относятся к разным уровням рефлексии: рассудок оперирует правилами, которые предназначены для получения опытного знания, а разум — принципами, предназначенными для получения трансцендентального знания, т.е. рассудок — объект для разума. Суждения рассудка поставляют материал для умозаключений разума; рассудок — судит, разум — умозаключает. Кроме того, в умозаключе-

чении разума задействованы, по Канту, все три познавательные способности субъекта: способность суждения, рассудок как способность производить непосредственные умозаключения, и разум как способность производить опосредованные умозаключения. В работах Канта докритического периода указывается на разные функции этих двух познавательных способностей. Рассудок есть способность к таким суждениям, которые делают понятия ясными и действительными, т.е. способность ясно познавать, а разум как способность производить логически опосредованные суждения делает их полными и реальными. Но в основе обеих лежит одна и та же способность — производить суждения. У критического Канта сюда добавляется еще способность производить оценочные суждения, способность рефлексии, способность воображения и др.

Умозаключения рассудка с точки зрения их языкового выражения имеют 2-частную (имплицативную) форму типа «если..., то...», «так как..., то...», «поскольку..., постольку...», «что касается..., то...» либо 2-частную дизъюнктивную форму вида «не..., а...», «ни..., ни..., а...», «никогда..., а только тогда» и др., т.е. они строятся по модели «антецедент — консеквент» в широком смысле, другими словами, в функции антецедента выступают суждения, представляющие собой так или иначе основание, из которого (или для которого) производится то или иное последующее суждение (консеквент).

Сам Кант в работе «Об одном открытии...» (против Эберхарда) называет 2-частное суждение «обусловленным утверждением» (Satz), в частности, он говорит буквально следующее:

Критика...» обозначила различие между проблематичными и ассерторическими суждениями. Ассерторическое суждение есть утвердительное суждение (ein Satz). Логика ошибочно определяет его как суждение, выраженное словами, ибо в мышлении мы вынуждены пользоваться словами при формулировке суждений, которые вовсе не являются утверждениями. В обусловленном суждении: «Если тело является простым, то оно неизменно» имеет место отношение двух суждений, ни одно из которых не является утверждением, а только отношение следования (die Consequenz) второго (des consequens), из первого (antecedens) делает его таковым. Суждение: «Некоторые тела просты» может содержать противоречие, тем не менее, оно может быть высказано с целью выяснения того, что из него может следовать, если оно будет подано как ассерция, т.е. как утверждение (Satz). Ассерторическое суждение: «Всякое тело делимо» говорит нам больше, чем просто проблематическое («Следует полагать, что всякое тело делимо» и т.д.), так как оно подводится под общий логический принцип всех утвердительных суждений, а именно: всякое утверждение должно иметь основание, (а не просто быть возможным суждением), что следует из принципа противоречия, так как иначе оно не будет ассертивным суждением (Satz) [1, Bd. 5, S. 304—305 (Anmerkung)].

Данное высказывание Канта следует понимать так, что его 2-частные построения с антецедентно-консеквентными (причинно-следственными, или имплицативными) логическими отношениями являются средством придания своему дискурсу утвердительной (ассертивной) модальности, так как антецедент содержит, как правило, условие, при котором консеквент подается как истинное утверждение. Например:

1. (1) *Так как* положение «Я мыслю» (в проблематичном модусе) содержит в себе форму любого суждения рассудка и сопровождает все категории как их источник, (2) *то* отсюда ясно, что все умозаключения из него могут иметь только трансцендентальное применение рассудка, исключаяющее всякую при-

месь опыта, и о ходе которого мы, после всего сказанного выше, заведомо не можем составить себе никакого предпочтительного понятия [2, S. 423]¹.

В данном примере антецедент (1) содержит условие, при котором консеквент (2) оказывается истинным утверждением.

Дизьюнктивная форма используется, как правило, в случаях, когда целью высказывания является необходимость подчеркнуть содержание второй части суждения, которое может логически и не вытекать из первой части высказывания, но тем не менее подаваться как ассерция. Например:

2. (1) Рефлексия (*reflexio*) имеет дело *не* с самими предметами с целью получения понятия о них, *а* есть состояние сознания (души), в котором мы приступаем к поиску субъективных условий, благодаря которым мы можем придти к понятиям [2, S. 354].

Итак, в обоих случаях 2-частная структура построения высказывания придает второй его части ассерторическую (утвердительную) модальность.

Причинно-следственные отношения в дискурсе Канта носят столь разнообразный и столь формальный характер, что они становятся композиционной формой текстуальности вообще, т.е. формой построения текста, причем антецедент представляет собой, как правило, целую серию посылок, превращаясь, по существу, в текстовый антецедент. Из данного антецедента следует затем серия утверждений следственного характера (текстовый консеквент), маркерами которого выступают слова и словосочетания со следственной семантикой типа «*итак*», «*следовательно*», «*поэтому*», «*таким образом*», «*как следует из сказанного выше*» и др., так что можно говорить о текстовом умозаключении или текстовом суждении-умозаключении вообще. Например:

3. (1) Я как мыслящий являюсь предметом внутреннего чувства и называюсь душой. А то, что является предметом внешнего чувства, называется телом. (2) *Поэтому* выражение «Я как мыслящее существо» есть уже предмет психологии, которую можно определить как рациональное учение о душе, если мне не требуется знать о душе более того, что можно вывести независимо от опыта ...из этого понятия «Я», так как оно присутствует при всяком мышлении [2, S. 415].

Данное сверхфразовое единство (СФЕ) делится на две части — антецедентную (1) и консеквентную (2), которые связаны союзным словом следственной семантики «*поэтому*». Первый содержит посылки, второй — выводы из них.

С точки зрения коммуникативного членения, т.е. деления высказывания на «данное» и «новое», или на «тему» и «ремю», новая информация в тексте Канта содержится в выводной (консеквентной) части. Поэтому дальнейшее развитие текста происходит, как правило, через консеквент путем дальнейшего наращивания содержания его рематической части, или его рематического ядра. При этом обе формы логического 2-частного построения участвуют в процессе порождения дискурса, обуславливая цикличность его построения, которая, по Канту, является априорной формой. Например, (дается в сокращении):

4. (1) *Если* тетика является воплощением всяких догматических учений, (2) *то* под антитетикой я разумею *не* догматические утверждения противоположного, *а* противоречие казущихся догматическими утверждений (*thesis cum antithesi*), без предоставления одной из сторон преимущественного притязания

¹ Курсив и деление на пункты здесь и далее по тексту мон. — И. К.

на одобрение. (3) *Следовательно*, антитетика *не* занимается рассмотрением односторонних утверждений, а обсуждает всеобщие положения разума только в случае их противоречия друг другу, а также причины подобного противоречия... [2, S. 509].

Как следует из данного примера, в основе логико-синтаксического построения этого СФЕ лежит отношение «если..., то...» (1) и отношение «не..., а...» (2), которое подчинено первому, так как оно дано в консеквенте с целью логико-рематического выделения главной мысли данного высказывания. Дальнейшее развитие текста осуществляется путем повтора структуры «не..., а...» (как выражение цикличности), но с аподиктически-выводной модальностью. Фактически мы имеем дело уже с 3-частной структурой, которая обусловлена отсутствием в данном случае обычного значения логического вывода в консеквенте (2), что делается только в пункте (3). Следует отметить также, что обе обсуждаемые структуры могут служить формой выражения различных иллокутивных речевых актов. Так в нашем примере форма «не..., а...» оформляет в (2) речевой акт определения, а в (3) — вывода, на что указывает оператор «следовательно».

Если выводная часть формулы «если..., то...» распространена, т.е. включает в себя ряд пропозиций, то последующий вывод может быть вынесен в следующий абзац (в новую строку), что ведет к образованию сверхабзачного СФЕ. Например:

5. (1) *Если* познание должно обрести объективную реальность, т.е. должно соотноситься с предметом и получить тем самым значение и смысл, (2) *то* должно быть возможно, чтобы предмет был каким-либо образом дан. (3) Без этого понятия пусты, и хотя при этом процесс мышления имеет место, в действительности же с помощью такого мышления ничего не познается, а происходит только игра своими представлениями. (4) Дать предмет не означает ничего другого, как соотнесение представления о нем с опытом (действительным или возможным)...

(5) *Следовательно*, возможность опыта и есть то, что придает всему нашему априорному знанию объективную реальность... [2, S. 252].

Как следует из данной иллюстрации, консеквент представлен пропозициями в пунктах (2), (3) и (4). В пункте (5) с помощью оператора вывода «следовательно» дается более краткая и четкая формулировка содержания пунктов (2), (3) и (4). Тем самым содержание консеквента подается в ассерторическом модусе и возникает, фактически, скрытый силлогизм, имеющий следующие посылки.

1. Для придания объективной реальности познанию необходимо, чтобы ему был дан предмет.

2. Дать предмет означает соотнести представление о нем с опытом (действительным или возможным).

3. Следовательно, возможность опыта придает всему нашему априорному знанию объективную реальность.

Отсюда можно заключить, что, хотя Кант пытается разграничить умозаключения рассудка и разума и их функции, все же фактически в его тексте это различие порой стирается. Дело в том, что средний член силлогизма в умозаключении разума довольно часто оказывается продолжением (повтором) содержания консеквента структуры «если..., то...», т.е. умозаключения рассудка. Это имеет место в тех случаях, когда необходимо обеспечить макси-

мальную логическую аподиктичность высказыванию, особенно в актах речи, направленных на доказательство. Это можно проиллюстрировать на тексте доказательства первой антиномии, гласящей, что мир имеет начало во времени и он ограничен в пространстве, а именно:

5. (1) Ибо, *если* предположить (предположим), что мир не имеет начала во времени, (2) *то* в любой данный его момент прошла вечность, а тем самым и бесконечный ряд следующих друг за другом состояний вещей. (3) Но бесконечность ряда как раз и состоит в том, что он никогда не может быть завершен подобным сукцессивным образом. (4) *Следовательно*, бесконечный завершенный ряд состояний мира невозможен, а тем самым невозможно и начало мира как необходимое условие его существования, что и следовало первоначально доказать... [2, S. 514].

Как следует из примера, ремой консеквента (2) является словосочетание «бесконечный ряд следующих друг за другом состояний вещей», которое тематизируется, т.е. становится исходным пунктом (темой) средней посылки силлогизма (3). Но обе посылки исключают друг друга, что делает невозможной истинность тезиса.

Тем самым мы подошли к обсуждению 3-частной логической структуры высказывания, которую Кант называет умозаключением разума. В «Критике чистого разума» Кант говорит в этой связи следующее:

Логическое определение понятия посредством разума покоится на дизъюнктивном умозаключении, в котором большая посылка содержит логическое подразделение (деление сферы общего понятия), а малая посылка ограничивает эту сферу какой-либо одной ее частью, с помощью которой в выводе производится определение понятия [2, S. 315].

С точки зрения лингвистики текста силлогизм как опосредованное суждение выступает средством «упаковки» текстового материала, что можно проследить на нижеследующем примере:

6. (1) Рассудок есть, обобщенно говоря, способность познания. Последнее состоит в определенной соотнесенности данных представлений с объектом. Но объект есть то, в понятии чего объединено многообразное данного созерцания. (2) Но всякое объединение представлений требует осознания целостности единства их синтеза. (3) Следовательно, единство сознания и есть то, что одно только и обеспечивает соотнесенность представлений с предметом, а тем самым и их объективную значимость, следовательно, их превращение в знание и, следовательно, саму возможность рассудка [2, S. 181].

Данный пример интересен тем, что большая посылка (1) представляет собой совокупность нескольких пропозиций (посылок), следующих друг за другом, из которых только третья используется для построения малой посылки (2), так что следует скорее говорить о комплексности большой посылки. Комплекс пропозиций представляет собой также и выводная часть силлогизма (3), а именно:

1. Единство сознания обеспечивает соотнесение представлений с предметом.

2. Оно обеспечивает также объективную значимость представлений.

3. Оно превращает представления в знание.

4. Оно обуславливает и саму возможность рассудка.

Большая посылка также состоит из нескольких пропозиций, а именно:

1. **Рассудок есть способность познания.**
2. **Познание есть соотнесение представлений с объектом.**
3. **Объект представляет собой понятие.**
4. **Это понятие объединяет в себе многообразное данного созерцания.**

Если к этим пропозициям добавить пропозицию малой посылки (2), то общее число пропозиций будет равно девяти. Из сказанного можно заключить, что силлогизмы в дискурсе Канта носят *комплексно-пропозиционный (текстовый) характер, являются композиционной формой организации текстового материала*, что в тексте все три составляющие структуры умозаключения (его основные посылки и вывод из них) могут «обращать» различными побочными, дополнительными пропозициями и формами речи, добавление которых кажется автору текста необходимым, что обусловлено его установкой на ясность, понятность, обоснованность и аподиктичность выдвигаемых им положений. Такие силлогизмы можно было бы называть также *пропозициональными*, или *контекстуальными*. Приведем пример такого контекстуального силлогизма.

7. (1) Все явления представляют собой по форме созерцания в пространстве и времени, которая лежит в их основе а priori. Следовательно, они не могут быть восприняты, т. е. вобраны в эмпирическое сознание, иначе, как с помощью операции синтеза многообразного, в результате чего возникают представления определенного пространства или времени, иными словами, путем объединения однообразного и осознания синтетического единства этого многообразного (идентичного). (2) Но осознание различного однообразного в созерцании вообще в той мере, в какой становится возможным получить представление об объекте, есть понятие величины (Quanti). (3) Следовательно, само восприятие объекта как явления возможно только посредством синтетического единства многообразного данного чувственного созерцания в понятии величины, благодаря чему может мыслиться единство операции соединения различного однообразного; иными словами, все явления суть величины, а именно экстенсивные величины, потому что они как созерцания в пространстве и времени должны с необходимостью быть представлены посредством этого синтеза, определяющего пространство и время вообще [2, S. 258].

Как следует из примера, большая посылка (1) и вывод (3) представляют собой текстовые (пропозициональные) формулировки, что можно опять-таки сделать вывод о том, что умозаключения рассудка и разума выступают в текстах Канта как *факторы текстуальности вообще*. Об этом свидетельствует и тот факт, что обе структуры могут выступать в тексте в самых разнообразных формах и модусах речи. Типичным модусом аргументативной речи является, например, *интроспекция*, т. е. аргументация от субъекта эмпирического теоретического познания. Например:

8. (1) Представление «я мыслю» должно с необходимостью иметь возможность сопровождать все м о и представления, ибо иначе я мог бы иметь представления, которые м н о й вовсе не мыслятся, что было бы равнозначно самой их невозможности, или, по крайней мере, для м е н я они были бы ничем. (2) То представление, которое может быть дано до всякого мышления, называется созерцанием. (3) Следовательно, все многообразное, данное в созерцании, должно с необходимостью соотноситься с «я мыслю» того самого субъекта, которому это многообразное принадлежит [2, S. 173].

Данный пример интересен тем, что в нем имеются разные модусы речи. В большой посылке (1) представлен *интроспективный модус речи* от трансцендентального «Я-субъекта», речевые акты которого используются, как правило, для создания теории трансцендентального метода получения теоретического знания.

Однако структура «если..., то...» в ее *интроспективном модусе от эмпирического «я-субъекта» познания* используется, как правило, для обоснования или доказательства или иллюстрации выдвинутых теоретических положений, как в нижеследующем умозаключении.

9. (1) Время между каузальной причиной и ее действием может быть исчезающее мало (т.е. одномоментного), однако отношение между ними по времени остается всегда определенным. (2) *Если я* буду рассматривать шарик, лежащий на [набитой] подушечке и делающий в ней углубление, как причину, *то* последняя будет одномоментной с ее действием. Тем не менее *я* различаю оба момента благодаря наличию временного отношения в динамическом соприкосновении обонх. (3) Ибо, когда *я* кладу шарик на подушечку, то на ее прежде гладкой поверхности образуется углубление [2, S. 296].

В данном случае в пунктах (2) и (3) производится аргументация от субъекта эмпирического познания, в роли которого обычно выступает сам автор, используя структуру «если..., то...».

Этот же вид умозаключения может получить *объективированный прагматический модус* с помощью обобщенного, инклюзивного «*мы-субъекта*» или неопределенно — личного «*тап-субъекта*». Данный вид умозаключений, обладающий также утвердительной (ассерторической) модальностью, является логическим средством *объективации* полученного знания, так как он предполагает наличие предшествующих этапов аргументации и в нем постулируется а priori, по Канту, «всеобщий голос» разума. Например:

10. Следовательно, *если мы* узнаем, что нечто происходит, то *мы* всегда предполагаем, что ему предшествует нечто другое, за которым оно следует согласно определенному правилу [2, S. 285].

Прагматический модус умозаключений рассудка и разума возникает также и в том случае, если они строятся *от адресата*, т.е. автор предлагает самому адресату произвести умозаключение. Этот прием позволяет придать логическим аргументам максимальную доказательную силу и силу воздействия на адресата, а тем самым и наибольшую наглядность и убедительность. Например:

11. *Предположим*, что мир сам или в нем есть необходимое существо, то в ряду его изменений должно быть или его безусловно необходимое начало, т.е. он не имел бы причины ...или сам этот ряд не имел бы никакого начала... [2, S. 539].

Также *на уровне выражения и оценки* Кант как автор использует указанные формы умозаключений от эксклюзивных «я»- и «мы»-субъектов, например:

12. Итак, ожидая, что, быть может, существуют понятия, которые могут относиться к своим предметам а priori, не как чистые или чувственные созерцания, а просто как акты чистого мышления, следовательно, как понятия, не являющиеся ни эмпирического, ни эстетического происхождения, то *мы* заранее выдвигаем идею о науке чистого рассудка и познания разума, с помощью которой мы можем мыслить предметы совершенно а priori [2, S. 130—131].

Таким образом, из сказанного можно сделать вывод, что умозаключения рассудка и разума в дискурсе Канта носят **комплексно-пропозициональный (текстовый) характер, являются композиционной формой организации текстового материала**, что в тексте все три составляющие структуры умозаключения (его основные посылаки и вывод из них) могут «обрастать» различными побочными, дополнительными пропозициями и формами речи, добавление которых кажется автору текста необходимым, что обусловлено его установкой на ясность, понятность, обоснованность и аподиктичность выдвигаемых им положений. Такие силлогизмы можно было бы назвать также **пропозициональными**, или **контекстуальными**, а сами эти 2-частные и 3-частные логические структуры **факторами текстуальности дискурса Канта вообще**.

Список литературы

1. *Kant I. Über eine Entdeckung, nach der alle neue Kritik der reinen Vernunft durch eine ältere entbehrlich gemacht werden soll // Kant. Werke. Schriften zur Metaphysik und Logik. Darmstadt :Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1983.*
2. *Kant I. Kritik der reinen Vernunft. Leipzig: Reclam, 1979.*

Об авторе

Кощев Иван Демьянович — д-р филол. наук, проф. кафедры теории языка и межкультурной коммуникации факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Российского государственного университета имени Иммануила Канта, kant@albertina.ru